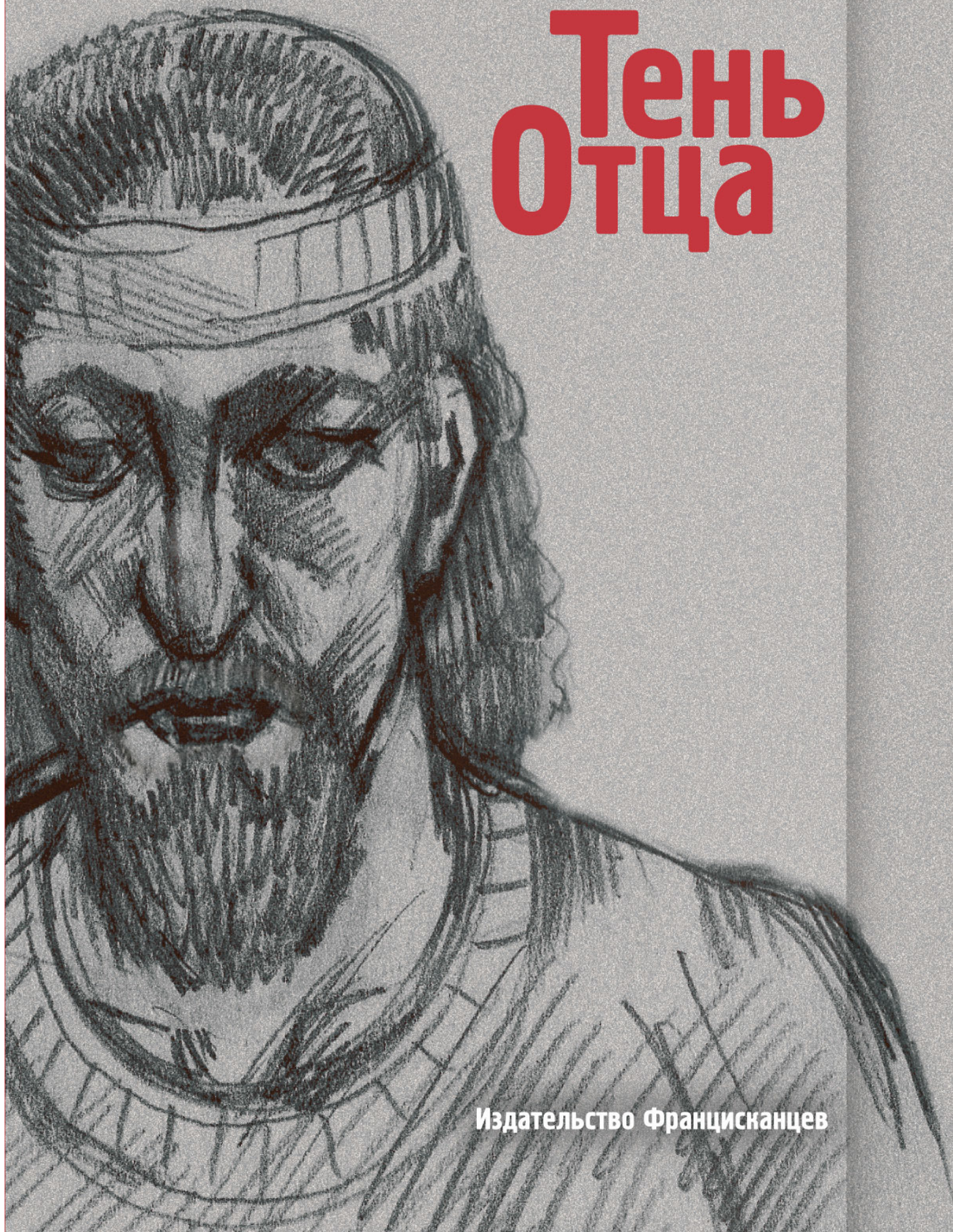

Ян Добратиньский

Тень Отца

Издательство Францисканцев

Ян Добрачиньский
Тень отца

«Издательство Францисканцев»

1997

Добрачиньский Я.

Тень отца / Я. Добрачиньский — «Издательство Францисканцев»,
1997

ISBN 978-5-89208-106-1

В одном из самых известных романов знаменитого польского писателя Яна Добрачиньского (1910–1994) центральное место занимает Иосиф, опекун Святого Семейства. Его тихая, уединенная жизнь в Вифлееме внезапно меняется, и начинается нелегкое испытание для его послушания Богу, полное сомнений и опасностей. Герою приходится понять и принять свое призвание – быть тенью Настоящего Отца и защитником Иисуса и Мириам. «Тень Отца» – второе (после «Писем Никодима») русскоязычное издание произведений Я. Добрачиньского, выходящее в Издательстве Францисканцев.

ISBN 978-5-89208-106-1

© Добрачиньский Я., 1997

© Издательство Францисканцев, 1997

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ян Добрачиньский Тень Отца

*Говорить о Ее заслугах – это правильно;
но, прежде всего, надо быть способным следовать Ее примеру.
Она более желает от нас подражания, чем восхищения,
а ведь Ее жизнь была такой скромной!..
И сколько невзгод, сколько разочарований!
Сколько раз люди упрекали доброго святого Иосифа,
сколько раз не хотели заплатить за его работу.
Мы с вами были бы очень удивлены,
если бы знали, сколько они страдали...
Св. Тереза Младенца Иисуса.*

Jan Dobraczyński

«Cień Ojca»

Copyright for the Polish edition by Aleksandra Dobraczyńska – Kadzińska; Joanna Dobraczyńska – Kuś, Warszawa, 1997

Copyright for the Polish edition by Instytut Wydawniczy PAX, Warszawa, 1997

Русское издание выходит с любезного разрешения наследниц автора – А. Добрачиньской-Кадзиньской и И. Добрачиньской-Кузь

Благодарим за помощь в издании этой книги о. Вильгельма Спирито OFMConv

Перевод с польского: Александр Крещук

Редакторы: Игорь Баранов, Оксана Басий

Корректор: Ольга Марсова

Дизайн обложки и иллюстрации: Иван Сердюков

2-е издание

Часть первая

Жена

1

Зной полуденного солнца, втиснутый в узкую улочку, казался почти густым. Выбеленные стены ослепительно пылали на солнце. Маленький ослик, привязанный к пню акации с ободранной корой, стоял, грустно понунив голову, и лишь когда ему слишком докучали мухи, сердито бил по бокам хвостом. Возле него на дороге, присев на корточки, играли в песке двое детей. Они были увлечены игрой, но, заметив проходившего мимо высокого, широкоплечего человека, мальчик встал и произнес: – Мир тебе, дядя Иосиф.

– И тебе мир, Иуда, – ответил тот.

Он остановился. Дружелюбно похлопал по спине мальчика и, улыбнувшись маленькой девочке, которая продолжала сидеть на корточках и только смотрела на него снизу вверх большими черными глазами, сказал:

– И тебе мир, Сарра.

Затем он медленно пошел дальше, погруженный в свои мысли, а дети, повернув головы, смотрели ему вслед.

Он помедлил возле двери в стене дома. Прежде чем переступить порог, закрыл на мгновение глаза и прошептал: «Барух Ата Адонай, Мелех ха-олам...»¹. Это была одна из берак², произносимых по разным поводам в течение дня; эту следовало произносить перед принятием важного решения. Лишь затем Иосиф толкнул скрипящую, хорошо ему знакомую, им самим когда-то сделанную дверь.

За дверью была приятная тень и запах разогретых солнцем листьев и трав. Узкая дорожка вела вдоль стены к саду, над которым, словно крыша, раскинулись ветви могучего сикомора³. Вокруг толстого ствола с узловатыми наростами коры была небольшая площадка. Сквозь листву проникало солнце, бросая на землю дрожащие, сияющие блики. Когда-то, еще в его

¹ «Барух Ата Адонай, Мелех ха-олам...» – «Благословен Ты, Господь, Царь вселенной...» (здесь и далее – прим, ред.)

² Берака – еврейская молитва-благословение.

³ Сикомор – плодовое дерево, растущее в Египте и Палестине.

детстве, эта площадка казалась ему большой – здесь можно было играть. Теперь она была до смешного маленькой.

На разостланном под деревом покрывале лежал человек, укрытый, несмотря на жару, грубым полосатым одеялом. Издалека было слышно его тяжелое, сопящее дыхание. Иосиф подошел ближе и склонился над лежащим. Старик дремал. Седые поредевшие волосы вздымались над головой, словно подхватываемый ветром пух. Его рот, в котором осталось всего несколько зубов, был приоткрыт, губы терялись среди седой бороды. Его руки со вздутыми жилами лежали на одеяле, слегка подрагивая. На одном из пальцев старика был толстый, бесформенный перстень, который был обвязан ниткой, чтобы не сползал.

Иосиф отошел и присел на низкий табурет. Он решил терпеливо ждать, когда спящий проснется. Вокруг царила тишина: шелест листьев сюда не долетал, птицы на деревьях заснули. Неподвижные, будто сделанные из глины, ящерицы грелись на солнце. Временами они внезапно утрачивали свою неподвижность и быстро, без малейшего звука перебежали с места на место, чтобы снова застыть без движения. Одни только невидимые в траве цикады отмеряли время своим стрекотанием. Положив руки на расставленные колени, Иосиф стал читать другую молитву: «Будь благословен, вечный Господь, Властитель Вселенной, за то, что посылаешь Своему народу тишину, чтобы мы могли думать о Тебе и чтить Твою волю».

С ранних лет Иосиф любил тишину. Она говорила ему отчетливее, чем голоса. Она требовала всегда одного и того же – ожидания. Рядом текла жизнь – беспокойная и шумная; проносилось столько ненужных слов, столько немыслимых жалоб, столько уверений, которые на самом деле ничего не значили... Посреди этого потока Иосиф со своей тишиной был словно камень на дне реки. Ждал – хотя, собственно, и не знал, чего ждет. Ждал того, о чем ему должна была сказать тишина.

Каждый вечер, когда жара спадала, на площадке за селением раздавались звуки бубна и флейты. Молодежь сходилась на игры и танцы. Бежали туда и младшие братья Иосифа. Издалека доносились до него веселые голоса, смех, хлопанье.

Он никогда не присоединялся к братьям. Это вовсе не означало, что его не тянуло к развлечениям, – ведь он был молод. Приходили минуты искушения. Зов тишины боролся с порывами его сердца. Но тишина всегда побеждала.

Проходили дни, заполненные работой в мастерской, которая прерывалась мгновениями произносимых им берак. По субботам, в дни совместных молитв, Иосиф ходил в синагогу. Когда наступал день его служения, он надевал талес⁴, вставал, подходил к пюпитру, брал из рук хаззана⁵ священный свиток Торы, накрученный на деревянный валик, и, обратив лицо в ту сторону, где возвышался еще не достроенный храм, громко читал положенный отрывок.

В мастерской у Иосифа всегда было много работы. Постоянно приходили люди с заказами. Он был известен своей обязательностью и мастерством и при этом никогда не просил за работу много. В переговорах с заказчиками не возникало торга: все знали, что если Иосиф установил цену, то она соответствует лишь стоимости материала и невысокой причитающейся за работу плате. Установленный срок он всегда соблюдал.

В его мастерской всегда были слышны рубанок и молоток. Часто раздавались и детские голоса. Иосиф, человек молчаливый, любил детей и охотно с ними разговаривал. Их занятия интересовали его больше, чем дела взрослых. В мастерской всегда было несколько маленьких зрителей. Они наблюдали за его работой, о чем-то спрашивали, а он им отвечал. Временами подзывал к себе какого-нибудь мальчика и вручал ему небольшую пилу или рубанок. Показывал, как их держать, как использовать инструмент. Давал для обработки деревянную дощечку. Иногда хвалил и дружелюбно похлопывал умелого ученика, а в другой раз только качал голо-

⁴ Талес (таллит) – иудейское молитвенное облачение. – *Прим. пер.*

⁵ Хаззан – человек, ответственный за проведение совместных молитв в общине. – *Прим. пер.*

вой и объяснял, какие были допущены ошибки. Все дети в селении называли его дядей. Впрочем, это обращение принадлежало ему и как старшему представителю рода.

Скрипнула та же калитка, через которую вошел он сам. На дорожке у стены он увидел двух человек. Шли они медленно, с важным видом, богато одетые в необычные для этих мест одежды, а их бороды были подстрижены иначе, нежели у всех в округе. На их покрывалах не было предписанных иудейским законом кисточек. Оба принадлежали к роду, но уже давно покинули родное селение и жили далеко, в Антиохии. Стали зажиточными купцами. А теперь приехали навестить родимое гнездо.

Гости поклонились Иосифу, и он ответил на их поклон:

– Мир вам.

– Мир тебе. Ты, наверное, Иосиф, сын Иакова? – спросил один из пришедших.

– Да, так и есть.

– Мы разговаривали вчера с твоим отцом. Он пожелал, чтобы мы еще раз пришли и завершили разговор при тебе. Но он, я вижу, спит.

– Я не смею его будить.

– Ты говоришь так, словно ты мальчик, – засмеялся другой купец. – А ведь ты уже давно взрослый и, к тому же, первородный в семье. Собственно, мы пришли поговорить о тебе.

Тяжелое дыхание спящего стало неровным и похрапывающим. Раскрытые губы сомкнулись, и лицо содрогнулось, словно от боли. Тонкие веки медленно поднялись, открывая светлые глаза. Старик поначалу смотрел так, будто не осознавал того, что видит. Но тут же на его лице появилось выражение понимания.

– А, это вы? Пришли? Это хорошо. И Иосиф здесь?

– Здесь, отец.

Старик указал на сына:

– Вы уже познакомились с ним? Это Иосиф, мой старший.

Гости склонили головы, как будто только теперь его приветствовали.

– Хоть он и молод, мы хотим оказать ему почтение как будущему главе рода, – сказал один из купцов.

В его голосе не было смирения. Может, даже была доля пренебрежения. Эти люди выглядели богато. На их пальцах поблескивали дорогие красивые перстни, сделанные искусней перстня, украшавшего руку Иакова. Их одежды украшали золотые цепи с купеческими печатями. Говоривший сейчас носил еще золотую повязку на волосах и колечко в ухе.

– Конечно, родовые дела сегодня не так важны, как раньше, – продолжал он, – представители родов рассеялись по всему миру...

– Однако о делах рода мы не забыли, – перебил его второй купец. – То, что недавно произошло...

Иаков высоко поднял брови.

– Расскажи об этом еще раз.

– Да вы, наверное, об этом хорошо знаете. Я имею в виду убийство сыновей Мариамны.

Говоривший это купец был одет менее броско, чем его товарищ. Его лицо было худым и продолговатым, глаза окружены мелкой сеткой морщинок. Его волосы отливали пурпуром.

– Он сделал это ловко: раструбил об их вине, жаловался чуть не плача, что они устраивали заговоры против собственного отца. И так сумел настроить против них жителей Иерихона, что толпа готова была побить камнями каждого, кто оказался бы сторонником молодых царевичей. Тогда он отправил их в Себасте⁶ и приказал задушить.

⁶ Себасте – столица Северного Царства, где находился дворец Ирода. *Здесь и далее – прим. ред.*

– Итак, он полностью истребил род Хасмонеев⁷, – сказал другой гость. – Царский род! Кто теперь может отнять у него корону иудейского царя? Он даже посмел сделать своим наследником сына арабской наложницы.

Наступила тишина, в которой было слышно громкое стрекотание цикад. В этой тишине прозвучал прерывистый голос Иакова:

– Все эти вести действительно доходили до нас. Но что общего они имеют с нашим родом?

Купцы многозначительно переглянулись.

– Нам сообщили, – заговорил купец с худым лицом, – что Ирод приказал своим шпионам как следует присмотреться к членам нашего рода. Мы с Менаимом, – указал он на товарища, – убедились, что возле наших домов вертятся какие-то подозрительные люди.

– Здесь никто не вертелся, – сказал Иаков. В голосе старого патриарха звучала гордость: – Мы священный род. Всевышний заботится о нас. Если бы кто-нибудь попытался выступить против нас, весь Израиль встал бы на нашу защиту.

Оба купца иронично улыбнулись.

– Ты чересчур в этом уверен, Иаков, – заметил Менаим. – Тебе все кажется, что мы живем во времена, когда происходили чудеса и Всевышний заботился об Израиле на каждом шагу. То дела давно минувших лет, о них сейчас лишь в синагогах можно услышать. Когда-то наш род имел значение, потому что был царским родом. С тех пор минули столетия. Род рассеялся. Одним повезло больше, другие обеднели... Сейчас вы, оставшиеся на месте, – словно остров старых воспоминаний. Я не раз говорил Фиабе, – указал он на купца с красными волосами, – неплохо помнить о том, что в Вифлееме по-прежнему живут люди из нашего рода. Если какая-либо из наших дочерей нуждается в муже, мы можем оттуда привезти порядочного молодого человека.

– Именно так, как не раз бывало на протяжении нашей истории, – добавил Фиаба.

– Именно так, – продолжал Менаим. – Родственные союзы – это прекрасно. Но после того как он обратил на наш род внимание, дела могут приобрести небезопасный оборот. Именно поэтому мы приехали.

– Говорите же, что вам нужно.

Купцы снова переглянулись. Фиаба, опустив глаза и неловко вертя перстни на пальце, произнес:

– Было бы лучше, если бы представители нашего рода не жили всем скопом на одном месте, а так же, как и мы, искали счастья по свету.

– Ты хочешь, чтобы мы все оставили землю Давида? – в голосе Иакова прозвучало негодование.

– Давайте хотя бы раз забудем о Давиде! – воскликнул Менаим нетерпеливо. – Фарисеи без конца твердят о некоем потомке Давида, а шпионы Ирода внимательно слушают. Я не хочу потерять всего, что нажил, и вдобавок своей жизни только из-за того, что несколько веков назад имел в роду царя! И он, – Менаим указал на Фиабу, – тоже этого не хочет.

Он замолчал, и снова воцарилась тишина. Грудь Иакова вздымалась в учащенном дыхании, губы на его седобородом лице дрожали.

– Ты говоришь безбожные речи, – сказал он прерывисто.

– Нет же, нет, – Фиаба попытался смягчить вспышку Менаима. – Он не имеет в виду ничего безбожного, просто он заботится обо всем роде. Я сказал, что было бы хорошо, если бы члены рода рассеялись. Все, конечно, уйти не могут, но в этом и нет необходимости. Те, кто обрабатывают землю, простые бедные труженики, не бросаются в глаза. Речь идет лишь о тех, кто приобрел определенный вес...

⁷ Хасмоней – династия, правившая в Иудее в 167-37 до н. э.

Оба многозначительно посмотрели на сидящего в стороне молодого человека, который все это время молчал.

Иаков сказал:

– Вижу, что вы подразумеваете Иосифа. Он плотник.

– И именно эта работа делает его известным, – сказал Фиаба. – Едва мы приехали в Иерусалим, как нам уже говорят о нем. Рассказывают, что он самый лучший плотник во всей Иудее, – Фиаба повернулся к Иосифу. – Это правда, что к тебе приходят издалека? И что царские чиновники делали тебе заказы?

– Бывало и так, – подтвердил Иосиф.

– Вот видишь, – Фиаба снова обратился к Иакову, – шпионы наверняка об этом знают. – И он вновь обернулся к Иосифу: – А есть ли среди твоих друзей фарисеи?

Иосиф покачал головой:

– Я не знаю ни одного фарисея. Разве только среди тех, кто приходил с заказами в мою мастерскую.

– Этого достаточно! – заявил Менаим. – Фарисеи походили с ума, и их безумства могут принести несчастье всему народу. Они составляют заговоры, толкуют о каких-то предсказаниях, не слушают приказаний Ирода. Он уже однажды учинил над ними кровавую расправу. А они опять. В сущности, это мудрый царь...

– Проклятый потомок Измаила! – воскликнул Иаков.

Менаим нетерпеливо махнул рукой.

– И это тоже старая история. Забытая история. Ирод сохраняет мир и великолепно умеет договариваться с римлянами. Нам всем от этого хорошо. Пускай себе будет царем и он, и его сыновья, лишь бы можно было безопасно торговать.

– Но ведь он убийца! – возмутился Иаков. – Ты же сам говорил.

– А кто сегодня не убивает? Хасмонеи убивали точно так же. Все решается ножом либо ядом. Я знаю многих людей, которые зарабатывают себе на жизнь исключительно приготовлением ядов. И, поверь мне, хорошо живут.

– Распутник! – негодовал Иаков. – Рассказывают, какие мерзкие вещи творятся при его дворе. Я слышал, что он приказывает похищать девиц и даже мальчиков.

– Ты, Иаков, живешь, будто во времена праотца Авраама, – произнес Фиаба, поглаживая бороду. – Во всем мире происходит то же, что у Ирода. То же самое творится в Риме, у цезаря. Таков мир. И нам его не изменить. Нельзя упрямо держаться старых традиций, лишь возмущаясь. Конечно, во всем нужен рассудок. Из Рима приходят знание и мудрость, и мы не можем быть глупее тех, кто правит миром... Однако не о том мы говорим, правда? Речь о том, что Ирод обратил внимание на наш род. Этого наверняка не произошло бы, если б не болтовня фарисеев. Именно они делают его таким, какой он есть! Однако, раз уж так случилось, я считаю, что ради безопасности целого рода, – Фиаба сделал ударение на последних словах, – те, кто привлекают внимание, не должны сидеть здесь, в Вифлееме. Мы считаем, что Иосиф должен отсюда уехать. Пусть он едет с нами в Антиохию. Это красивый, большой, богатый город. Мы найдем ему работу, женим его. Почему он до сих пор еще не женился? Мужчина в его возрасте уже должен быть отцом.

Иаков не ответил, только сжал губы и покачал головой. Фиаба перевел взгляд на Иосифа. Молодой человек сделал быстрый жест руками, который ничего не объяснял. Ему было нелегко разрешить этот вопрос. Много раз ему предлагали жениться. Отец настаивал, требовал, чтобы он наконец решился. Вся семья была взбудоражена – старший сын, будущий глава рода... «Чего ты ждешь? – спрашивали его. – Какую царевну? Или в Иудее не хватает красивых девушек? Ты бы мог выбирать даже среди дочерей священников».

Но, несмотря на эти увещевания, он по-прежнему ждал.

– Вы коснулись больного места, – сказал Иаков. В его дрожащем голосе слышались сожаление и обида. – Ему скоро двадцать четыре. Последний срок, чтобы он, в конце концов, принял решение.

– Он его примет, если поедет с нами, – сказал Фиаба. – Увидит мир, осмотрится. Мы обязательно найдем для тебя жену, – подмигнул он заговорщицки Иосифу, – и красивую, и богатую.

Иосиф молчал. Снова надолго воцарилась тишина.

– Говори, что ты думаешь обо всем, что сказали сейчас Менаим и Фиаба, – заскрипел рядом с ним голос Иакова.

Иосиф снова сделал неопределенное движение рукой. Он вовсе не хотел покидать родное селение. Здесь была тишина, которую он так любил. В тишине время проходило незаметно. Временами возникали бунт и нетерпение, но потом покой возвращался вновь. Тяжким бременем лежала на сердце мысль о том, что отец держит обиду на него. Однако убеждение, что Сам Всевышний желает такого ожидания, было более сильным. Что, если его заставят уйти, и именно тогда исполнится то, чего он столько лет ждал?

– Не думаю, что я должен ехать с ними, – сказал Иосиф. – Я не верю в те ужасы, о которых они рассказывают. К тому же, мир меня не привлекает.

– Ты совсем поглупел в вашей вифлеемской дыре! – прошипел Менаим.

– Не злись, Менаим, – Фиаба снова постарался загладить учтивостью вспышку раздражения своего товарища. – Он говорит так, потому что не знает, как выглядит мир. Ты, наверное, думаешь, – обратился Фиаба к Иосифу, – что мы забыли о вере, о чистоте, о Законе? Да, мы не такие, как здешние люди. Мы живем среди иноверцев и не можем слишком отличаться от них. Зачем отталкивать людей? Но у себя в домах мы соблюдаем заповеди. И я говорю тебе: поехали с нами.

– Ия тебе говорю то же самое, – примиряюще подхватил Менаим. – Что тебя здесь держит? Такой хороший плотник, как ты, везде преуспеет и найдет признание.

– У нас ты заработаешь даже больше. Тебя у нас лучше оценят и больше заплатят. И у нас ты всегда найдешь, на что тратить деньги.

– Я не стремлюсь к богатству, – сказал Иосиф.

– Богатство свидетельствует о заботе Всевышнего, – не переставал убеждать Фиаба.

– Однако Всевышний все отнял у Иова.

– Не стану с тобой об этом спорить: я не знаю так хорошо священные книги. Но ведь в синагогах часто слышишь о том, что Всевышний не помогает грешникам. Разве ты думаешь иначе?

– Всевышний хочет, чтобы мы помогали бедным.

– Бедные, даже если они и не грешники, во всяком случае, дураки и бездельники, – вмешался снова Менаим. – Именно из таких олухов и бездельников фарисеи сделали себе сторонников. Твердят им о Мессии, который придет и даст каждому богатство. Просто так – без работы! Такой вот болтовней они толкают людей на бунт. Если ты тоже начнешь так говорить, Ирод и до тебя доберется, и тогда пострадает весь род.

– Да, весь род может тогда погибнуть, – в спокойном до сих пор голосе Фиабы появилась резкость. – Именно поэтому, Иосиф, ты должен уехать! – Он обратился к старому патриарху: – Иаков, ты должен приказать ему уехать!

Иаков с достоинством поглаживал свою белую бороду. Теперь, когда даже сдержанный Фиаба начал проявлять раздражение, старейшина рода, как это могло показаться со стороны, обрел спокойствие.

– Ты все слышал? – спросил он сына. Иосиф кивнул. Продолжая гладить бороду, Иаков произнес: – Не нравится мне то, что они говорили. Нет, не нравится. Но в их словах есть доля правды. Я скоро умру; ты мой старший сын, будущий глава рода. Если Ирод действительно

обратит внимание на наш род и пришлет сюда своих солдат, я не хочу, чтобы он нашел тебя. Я согласен с тем, что ты должен уехать, я требую этого. Ирод уже стар, он скоро умрет, и тогда ты вернешься.

Соппротивление воле отца и уважение к нему боролись в душе Иосифа. До сих пор он никогда не противился требованиям отца. Он просил лишь об отсрочке принятия решения, когда отец настаивал на женитьбе. «Позволь, отец, – говорил он, – найти мне ту, которую я жду». Но теперь Иосиф уже не мог тянуть время. Он должен был подчиниться или же открыто выразить неповиновение. Иосиф смотрел с почтением на осунувшееся лицо отца, на его впалые щеки. Помнил, как когда-то оно было красивым и властным. Он знал, как отец его любит; понимал, что, отправляя его в свет, готовясь умереть, отец совершал великую жертву. Родители хотят умереть в окружении детей, сказав им свое последнее слово. «Но быть отцом, – думал Иосиф, – это значит принести самую большую жертву: отдать того, кто тебе наиболее дорог, отречься от его присутствия в час своей смерти, не иметь возможности положить ему на голову руки и передать его долю наследства... И можно ли сопротивляться такой жертве?»

Иосиф низко склонил голову и сказал:

– Если ты настаиваешь, отец, я поеду.

– Я хочу этого. Но это не значит, что я хочу отправить тебя с ними. Перед тем как ты примешь решение, куда тебе ехать, я желаю, чтобы ты спросил доброго совета. Есть человек, который может дать тебе такой совет.

– Укажи мне его, отец.

– Наш род породнился когда-то со священническим родом, последний представитель которого живет там, за горами... – худая рука указала направление. – Он уже старый, ненамного младше меня. Его зовут Захария, сын Арама. Его всегда считали мудрым и набожным. Думаю, что таким он и остался. Поезжай к нему, поезжай прямо завтра. Навести его, спроси совета.

– Будет так, как ты сказал.

Иаков, протянув руки, положил их на плечи сыну. Так они и стояли, лицом к лицу, в то время как их губы шевелились в беззвучной молитве.

2

Впереди, на самой линии горизонта, возвышались горы. Вершины, сглаженные сокрушающим их временем, выныривали одна из-под другой. Это был тот же, протянувшийся от Беф-Цура⁸ горный хребет, который многие годы был перед глазами Иосифа. Но с этой стороны он выглядел по-другому, более выразительно, в одних местах изрезанный вертикальными уступами, в других в виде пирамид осыпавшийся вниз. После полудня распластанное зноем пространство вытягивалось вверх. Сияние солнца придавало скалам пылающую, оранжевую окраску, не похожую на тот сине-бурый цвет, который в это время дня окрашивал вершину с другой стороны.

На голом, усеянном валунами склоне, по мере того как он спускался вниз, росло все больше зелени. Над оврагами высились черные копыя кипарисов; бушевали, раскачиваясь во все стороны, верхушки пальм; внизу, среди зарослей травы, белели пятна чертополоха. Каждый склон, словно лестница, был обозначен уступами низких карнизов, выложенных плоскими камнями. Над ними раскинула свои листья виноградная лоза; между листьями видны были черные гроздья. Еще ниже, на самом дне долины, тянулись ряды разросшихся серых олив.

⁸ Беф-Цур – город, расположенный на Иудейской возвышенности, в 7 км к северу от Хеврона.

Отовсюду с возделываемых полос земли доносились голоса работников. В чистом горном воздухе, тишину которого подчеркивало журчание ручья, эти голоса разносились далеко и казались удивительно близкими.

На плоской крыше дома сидели два человека. Сплетенный из тростника и ветвей навес над их головами отбрасывал тень, в которой дрожали солнечные блики. Там, за вершиной, в это время дня на всем еще лежал полуденный зной, тогда как здесь уже можно было ощутить первое освежающее дуновение со стороны моря.

– Если хочешь услышать мой совет, Иосиф, сын Иакова, – говорил старый священник, – то я тебе его дам. Твой отец правильно рассудил, что тебе надо оставить родной дом. Опасность, о которой нам говорят, должно быть, существует на самом деле. Говорят, что Ирод совсем обезумел: всюду видит врагов, готов расправиться со всеми, на кого укажут его шпионы. Эти вести повторяются, и, наверное, так оно и есть. Однако правильно и то, что ты не поехал с этими купцами в Антиохию. Я не знаю всех ваших родных, возможно, есть среди них люди, которые, даже живя среди язычников, сохранили веру и нерушимость традиций. Бывают такие люди. Но я знаю, увы, что подавляющее большинство наших братьев, живущих в тех краях, поражено тленом. Ибо мир наш, Иосиф, поражен тленом...

Иосиф, сидевший неподвижно, впитывая слова Захарии, пошевелился.

– Я не знаю, о чем ты говоришь. Я живу в тишине и не знаю, что творится в большом мире. Иерусалим я посещаю только по праздникам, больше никуда не хожу.

– Зато я в городе бываю часто. Наш род представляет собой восьмую священническую категорию, согласно разделению Ездры. Каждые полгода нам выпадает служение в храме. Но я не только в эти дни посещаю Иерусалим. Я хожу туда по разным делам каждый месяц и, находясь в городе, слушаю новости и вести со всего света; порой встречаю людей из дальних стран. – Захария откашлялся, положил свои руки с потрескавшейся кожей на глиняную балюстраду крыши и, глядя вдаль, сказал: – Мы подпали под власть Рима, наши собственные цари обратились за помощью к римлянам. Но даже если бы их не звали, они бы и так к нам пришли. Этот народ ненасытен, если речь идет о власти. Они умны, суровы и беспощадны. Римские цезари дали нам мир. Их воины стерегут границы и охраняют безопасность на дорогах. Их сборщики податей взимают с нас налоги. Однако Рим – это не только надежная защита, это еще и источник отравы, страшной отравы... Все зло, найденное Римом у покоренных им народов, вошло в его сердце, перебродило и стало его собственным злом. У римлян есть свои боги, но они готовы принять в свой пантеон любого другого бога. Все, в чем есть ложь, самовозвышение, поиск выгоды, погоня за удовольствием и наслаждениями, стекается в Рим и оттуда вновь расходится по свету. Это и есть та зараза, о которой я тебе говорил. Прежде чем Рим продолжит свои завоевания, он сначала, словно змея, поразит свою жертву...

Захария снова замолчал на мгновение и лишь сквозь прищуренные веки смотрел на голые вершины, возвышающиеся над зелеными склонами.

– Защита со стороны Рима и его мир, – продолжал Захария, – дают безопасность, но при этом несут в себе яд. Если мы живем среди чужих людей, зло легко проникает в нас. Однако и здесь оно также грозит нам всем. Многие священники говорят: «Пока царит мир и мы можем приносить жертвы Всевышнему – все хорошо». Ирод не вмешивается в нашу жизнь; границы царства достигли границ царства Давида. Фарисеи строят заговоры и производят возмущения. Возвещают, что для сохранения чистоты необходимо подняться на борьбу; обещают, что скоро подадут сигнал. Они вспомнили старое пророчество о Мессии. Но, несмотря на все это, они поддерживают близкие отношения со двором. Некоторые даже снискали милость Ирода. Трудно сказать, к чему они стремятся в действительности. Народ не знает, кого следует слушать. Израиль стал стадом, потерявшим своего пастыря...

Священник замолчал, услышав шаги на лестнице. Женщина, появившаяся на террасе, была уже старой, но на ее увядшем, изрезанном морщинами лице сохранились следы необык-

новенной красоты, которой когда-то, без сомнения, должны были восхищаться. Большие темные глаза смотрели из-под обвислых мешочков век. Ее лицо казалось суровым, почти мужским. Она бережно несла в руках большой кувшин. Следом шла служанка с подносом, на котором было блюдо с ячменными лепешками, фрукты, луговые травы и овечий сыр; она поставила все это на стол. Женщина поклонилась и сказала:

– Часы труда миновали, приблизилась вечерняя пора. Не желают ли мой муж и его молодой гость подкрепить силы скромной пищей, которую я позволила себе принести?

Она склонила голову и сложила на груди руки, напоминая в этом жесте скорее служанку, чем жену. Старый священник обернулся и посмотрел на женщину. Их глаза встретились, и внезапно на лицах обоих произошла полная перемена: исчезли и суровое выражение на лице женщины, и напряжение на лице мужчины, вызванное, должно быть, тревогой и печалью. Их глаза засветились, когда они улыбнулись друг другу. В этот миг они словно не были старыми, все уже пережившими в своей жизни людьми.

– Пусть будет так, как ты сказала, – произнес Захария. – Часы труда, и правда, миновали. – Он обратился к Иосифу: – Хочешь прочесть молитву?

Иосиф закрыл лицо руками.

– Нет, Захария, прочти ты. Ты священник. Это большое достоинство перед Господом.

Пожилой священник вздрогнул. На прояснившееся лишь недавно лицо снова опустилась тень. Губы сомкнулись, по щекам пробежала судорога. Можно было подумать, что человека коснулась какая-то боль, но он тут же превозмог себя. И лишь на лице вновь появилось выражение меланхолии, которое Иосиф заметил, войдя к нему в дом. Захария взял покрывало. Затем неровным голосом стал читать минху – молитву, произносимую в завершение всех дневных дел:

– Будь благословен, Господи, Властитель мира и всего творения, за то, что Ты позволил нам пережить этот день тяжелого труда и уберег нас от грехов.

– Аминь, – сказал Иосиф после того как Захария произнес последние слова.

Сняв надетые на головы покрывала, они сели за стол. Снова они были одни: женщины вышли. Усилился ветерок, и зашелестели веточки, образовавшие крышу над террасой. Вместо окриков работающих в виноградниках людей зазвучала песня тех, кто возвращался домой.

Мужчины ели в молчании. Только когда они поели и выпили разбавленного водой вина, Иосиф произнес:

– Спасибо тебе, Захария, за все твои советы. Отец был прав, послав меня к тебе. Всевышний наделил тебя огромным знанием жизни. Однако ты не сказал мне еще одного. Раз ты полагаешь, что я должен оставить родной дом и одновременно соглашаешься со мной, что не следует идти с родственниками в Антиохию, скажи, куда, по-твоему, я должен пойти? Что тебе по этому поводу говорит Всевышний?

Захария не поднял опущенной головы. Шершавой, с тонкой кожей, блестящей, словно чешуя змеи, ладонью он водил по краю стола.

– Слишком много ты от меня ожидаешь, Иосиф, сын Иакова, – сказал он, после того как некоторое время длилось тягостное молчание. – Я сказал тебе только то, что продиктовано мне опытом старого человека, много слылавшего и повидавшего на своем веку. Однако не ищи в моих словах воли Всевышнего.

И снова по впалым щекам священника пробежала судорога.

Иосиф обратил на Захарию вопросительный взгляд:

– Я не понимаю твоих слов. Ты священник, ты пребываешь вблизи Всевышнего, ты служишь Ему, и тебе проще узнать Его волю.

Захария покачал головой:

– Однако же, благословение Всевышнего не снизошло на меня...

– О чем ты говоришь?

– У меня нет сына.

Иосиф опустил взгляд.

– Я знаю, Захария о твоём несчастье. Однако Всевышний...

Священник не дал ему закончить:

– Хочешь сказать, что Всевышний может поступать так, как этого хочет? Конечно. Но если уж Он послал такой позор Своему священнику, то, видимо, не признал его достойным!

Эти слова прозвенели уже не болью, а отчаянием. Иосиф сжал в ладони кисточку покрывала. Внезапность сказанного навела его на мысль, что Захарии не с кем было поделиться своим убеждением, и, может быть, он впервые произнес его вслух. В первое мгновение Иосиф инстинктивно сделал жест, словно хотел сдержать дальнейшие признания, но тут же превозмог страх. Если он хочет помочь Захарии, то должен его выслушать и принять на себя часть того груза, который мог раздавить этого человека.

– Он не отвергает тех, кто хочет Ему служить.

– А меня Он, тем не менее, отверг, – Захария произнес это с горьким усилием. – Но меня коснулось и другое...

Он замолчал. Какое-то мгновение боролся с собой. Видно, ему было совсем не просто до конца высказать свою боль. Однако первое признание было подобно прорванной плотине. Он, понизив голос, говорил теперь шепотом:

– Этого, может быть, никто и не заметил. Но я-то вижу... Сколько лет я выполняю священническое служение... Сколько лет! И никогда, никогда в течение этих лет мне не выпадал жребий совершить служение при кадильном жертвеннике, самое почетное из всех служений!

Он исторг эти слова и умолк. Стало тихо, будто захлопнулась какая-то крышка. Вечерний ветерок, все усиливавшийся, по-прежнему шелестел ветвями ограды. Река в низине, казалось, шумела сильнее.

– Моя жизнь заканчивается, – вновь заговорил Захария. – Сейчас идет последний год моего служения, потом меня уже не будут призывать. Всевышний дал знак, что недоволен мною...

– Но ведь ты помнишь Иова, – сказал Иосиф, лихорадочно искавший что-то такое, что могло бы поднять Захарию со дна отчаяния. – Его друзья думали, что Всевышний покарал его. Он же, однако, чувствовал себя невиновным.

– Разве есть кто-либо, кто мог бы чувствовать себя невиновным? – Эти слова Захария произнес после продолжительного раздумья. – Я, во всяком случае, нашел свою вину...

Иосиф чуть было не спросил: «Что ты такого сделал?» – однако сдержался. Он понимал, что, если Захария пожелал говорить о себе, он должен сказать ровно столько, сколько сам того захочет. Иосиф не мог уклониться от его признаний, не мог и ни в чем его торопить.

– Я отягощен виною... – Захария теперь говорил медленно, с виду совершенно спокойно. – Я долго размышлял и нашел ее в себе... – Он на мгновение замолчал. – Я провинился своей любовью к жене! – наконец выдал из себя Захария.

– Любовью?! – повторил удивленно Иосиф. – Как можно провиниться любовью?

– Любовь должна иметь свою меру...

– Но ведь твоя любовь не отняла тебя у твоего служения.

– Не отняла, но и не дала о себе забыть...

– А разве нужно забывать?

– Нужно! – веско произнес Захария. – Что такое человеческая любовь? Радость, которую надо уметь от себя отстранить. – Теперь Захария сидел, подперев голову рукой. Он устал от признания, которое только что вырвал из себя, как будто вырвал из тела давно сидевшую там занозу, выразил словами боль, с которой долгими ночами боролся в одинокой битве. – Видишь, Иосиф, – он старался говорить как можно спокойнее, но спокойствие давалось ему так трудно, что дрожал голос. – Я люблю ее. Она для меня самый дорогой и близкий друг... Учителя, – он

громко сглотнул слюну, – учителя говорят, что надо ежедневно благодарить Всевышнего за то, что Он не сделал нас ни язычниками, ни женщинами... Я бы так молиться не смог! Никогда... Мы оба уже старые. Не знаю, что будет, когда кто-нибудь из нас умрет. Ибо, когда приходят дни служения и я вынужден уходить, я не перестаю думать о ней и тосковать, – тихо проговорил последние слова Захария.

Наступило молчание. Иосиф размышлял. Зачем Захария все это говорит ему – человеку, которого он впервые видит? Бывало, правда, что совершенно незнакомые люди признавались ему в своих скрытых тревогах. Приходили заказать плуг или соху – и вдруг садились и рассказывали о своих печалях; просили совета – у него, человека, жившего в тишине и так мало знавшего о жизни! Но это были люди простые, для которых известный своим умением плотник был авторитетом. А Захария – священник, человек, много повидавший.

С усилием, как будто стараясь поднять тяжелую ношу, Иосиф начал так:

– Не стоит мне об этом говорить, Захария... – Иосиф беспомощно развел руками, – я не знаю света, не знаю жизни. Как-то раз я слушал одного раввина, который утверждал, что Всевышний, создавая Еву из ребра Адама, проявил по отношению к ней пренебрежение: мол, ребро является малозначимой частью человеческого тела. Говорят, что женщина была создана для мужчины, чтобы ему было легче и приятней... Но мы знаем, как сильно любили своих жен наши праотцы, насколько уважаемы были Девора и Юдифь. Женщина не может существовать только для мужчины. В любви к жене кроется что-то святое... Я не понимаю этого хорошо и не умею это выразить, но уверен, что посредством такой любви Всевышний хотел показать нам что-то великое и таинственное...

Иосиф снова развел руками и извиняющимся взглядом посмотрел на священника.

– Прости, – прошептал он, – я не могу лучшим образом изложить свои мысли.

Захария молчал, устремив взгляд на лицо Иосифа.

– Ты такой молодой, – заговорил он, – но говоришь необыкновенные вещи. Продолжай! Стало быть, ты полагаешь, что Всевышний и женщине предопределил великую миссию?

– Я верю в это! – горячо воскликнул Иосиф. – Я уверен, что Он ее когда-нибудь возвысит и поставит рядом с Собою. Я не смог бы любить женщину только из-за того, что она существует для меня.

– И именно так ты любишь свою жену?

Иосиф опустил глаза, неожиданно пристыженный в том, что не подтверждает своих слов жизнью.

– Я еще не женат.

– Не женат?! Но ты в таких летах, когда мужчина уже должен выбрать себе спутницу жизни.

– Я жду... – прошептал Иосиф.

Священник покачал головой.

– Это значит, что ты до сих пор не нашел той, которой бы мог отдать свою любовь? Понимаю. Ты не многого требуешь, но многое хотел бы дать... Продолжай ждать, не спеши с выбором. Ты найдешь девушку, достойную твоей любви и твоих надежд. Только бы тебе не заплатить за свой выбор такой же высокой цены, как мне! – добавил Захария.

Иосиф ничего не ответил. Тяжело ему было найти ответ на боль, которая по-прежнему слышалась в словах его собеседника. Она напоминала росток, тянущийся из укрытого глубоко в земле корня. Он не был согласен с объяснением, к которому пришел старый священник, но что тогда сказать о несчастьях, выпавших на его долю?

Все сильнее разгоравшееся зарево охватывало вершину горы, за которой был Вифлеем. Превратившийся в бурю ветер трепал ветви и листья. Внизу, невидимые под кронами деревьев, шли домой возвращавшиеся с пастбищ стада. Были слышны колокольчики, блеяние овец и голоса людей.

– Ты хочешь завтра вернуться? – спросил священник.

– Да, Захария.

– И что ты предпримешь?

– То, что ты мне посоветовал. Но не с теми, из Антиохии.

– Думаю, что в Антиохии ты не нашел бы женщину, которой захотел бы отдать свою любовь. Там живут слишком суетно.

– Спасибо тебе, Захария, за все твои советы. Я еще подумаю, куда мне отправиться.

– Да хранит тебя Всевышний!

Они еще прочитали вместе арбит – молитву наступающего нового дня, ибо подобно свету, зародившемуся в темноте, новый день зарождается в сумерках. А затем они расстались. Прислужница приготовила на террасе постель для Иосифа. Прежде чем лечь спать, он спустился вниз, чтобы убедиться, что осел, на котором он приехал, обеспечен всем необходимым. Он увидел, что осел сонно кивал головой, стоя перед копной сена, перемешанного со свежими кустами репейника.

Иосиф уже шел к дому, как вдруг кто-то окликнул его из темноты:

– Иосиф, сын Иакова, остановись на мгновение!

Он остановился. Не видя фигуры женщины, он, тем не менее, сразу догадался, кто его окликнул.

– Я слушаю тебя, Елизавета.

– Извини, что я, женщина, обращаюсь к тебе. Но я стара. И я слышала твой разговор с моим мужем и хотела тебя поблагодарить...

– За что ты хотела меня поблагодарить?

– За то, что ты развеял черные мысли, охватившие его разум.

– Но я вовсе их не развеял.

– Нет, он пошел отдыхать утешенный. И еще хочу тебя поблагодарить за то, что ты сказал о женщине и о любви.

– Я так думаю и так чувствую.

– Откуда к тебе пришли такие мысли? Даже пророки говорили о женщине много плохого.

– Однако и они, кажется, что-то чувствовали... Ты, Елизавета, говорят, хорошо знаешь священные книги?

– Знаю. Но речи пророков полны тайн.

– Это так. Но у каждого из них была мать. Что касается меня, то я своей матери почти не помню, но все же думаю о ней с почтением и любовью и не смог бы думать плохо. У Того, о Ком говорят пророки, мать должна быть достойной Его...

– Ты говоришь о Мессии?

– Да.

– О Нем теперь много говорят. Я знаю старую женщину в городе, которая верит, что увидит Его прежде, чем умрет. Думаешь, Он действительно появится в наше время? Сколько поколений ждали, а затем умерли, ничего не дождавшись...

Она не подходила к нему близко и по-прежнему разговаривала с ним, стоя в отдалении. Он даже ее силуэта не мог различить в темноте.

– Не знаю, Елизавета, – ответил он, – это твой муж должен знать, действительно ли приблизилось время прихода Мессии. Если предчувствия той женщины окажутся верными, то уже должна жить та, кто будет Его матерью...

– Пусть будет благословенно лоно той, чей сын сорвет печать пренебрежения к женщине! – воскликнула она. – Так как это сделает именно Он!

– Я уверен в этом.

– Пусть благословение снизойдет на твою голову, Иосиф, за эти слова. Слушай, – неожиданно она приблизилась, – я слышала, как ты говорил, что у тебя нет жены и ты ждешь встречи

с женщиной, которой сможешь отдать свою любовь. Я хочу сказать тебе: есть девушка, достойная твоей любви...

– О ком ты говоришь?

– О моей племяннице. Они остались вдвоем с сестрой, их родители умерли. Мой муж позволил, чтобы они воспитывались в нашем доме. Они жили у нас несколько лет. Старшая сейчас уже замужем, у нее есть дети. А младшая сама только-только выходит из детских лет...

– И она здесь, у вас?

– Нет, она живет в доме сестры. Помогает ей заботиться о детях и по хозяйству. Они живут в Галилее, в Назарете. Если, как ты говоришь, ты хотел бы куда-нибудь поехать, поезжай в Назарет. Это город, в котором такой хороший ремесленник, как ты, легко найдет себе работу. Отыщи ее, присмотришься к ней. О, как бы я была счастлива, если бы именно ты взял ее в жены.

– Говоришь, она достойна любви?

– Если и существует девушка, которой стоит посвятить все, то это именно она.

– Ты сказала многое. Я хотел бы иметь жену, которую мог бы любить так, как твой муж любит тебя. Раз ты ее воспитала, то должна хорошо знать ее.

Белеющая во мраке фигура приблизилась еще на несколько шагов.

– Не знаю, могу ли я сказать, что знаю ее, – произнесла быстро Елизавета. – Это моя племянница, но я никогда не могла понять, как такая девушка могла появиться среди нас... Тебе надо самому ее увидеть. Я никогда не слышала, чтобы мужчина говорил о любви так, как ты. Поскольку ты умеешь любить, то, может быть, ты поймешь ее... Пойди, посмотри сам! Не пожалей сил, Иосиф!

На небо выкатилась луна, и ее свет полился сквозь раскачиваемые порывами ветра ветви. Теперь видневшийся в темноте силуэт женщины казался призраком.

– Да, Елизавета, – сказал Иосиф. – Я пойду в Назарет...

3

Царь протянул руку за кубком вина, поднес его к губам, но неожиданно какая-то мысль заставила его отстранить руку с чашей. Его черные глаза блеснули; взгляд окинул стоящих вдоль стены слуг. Жестом он подозвал одного из них. Пристально всматриваясь в лицо слуги, он отлил из кубка немного вина в стоящий на столе сосуд. Затем приказал:

– Пей!

Царь ни на секунду не отрывал глаз от лица слуги, который весь дрожал, но, поторапливаемый окриком, намочил губы в вине. Царь приказал ему выпить все, а затем какое-то время наблюдал за ним. Наконец взмахом руки велел ему отойти.

Лишь после этого Ирод поднес кубок к губам. Он пил долго, медленно, глоток за глотком. Допив до дна, отставил кубок. Затем, подперев голову рукой, плачущим голосом произнес:

– Говорю тебе: никто меня не любит!

Сидящая рядом женщина не согласилась:

– Ты ошибаешься, Ирод. Многие...

Он прервал ее нетерпеливым движением руки:

– Никто, никто! – сказал он ей. – Никто! Поэтому мне пришлось приказать их убить – моих собственных сыновей.

– Они были нехорошими, – сказала женщина. Это прозвучало так, будто она оправдывалась. – Ты вынужден был это сделать. Они устраивали заговоры, превозносили себя – как сами, так и их жены. Жена Александра хотела быть первой при дворе. Моя Береника много терпела от Аристовула. Он оскорблял ее, попрекая ее низким происхождением. Он был возмущен тем, что ты, Ирод, велел ему жениться на моей дочери, тогда как жена его брата – царевна.

– Щенки, – процедил сквозь зубы Ирод. Он провел рукой по горлу, как будто что-то сдавливало его.

– Вот видишь.

– Но это были сыновья Мариамны! – слова прозвучали, как из горла, как будто он выплевывал сгустившуюся мокроту.

– Она... – начала женщина.

– Замолчи! – сорвавшимся голосом крикнул Ирод. Он наклонился к Саломее и хрипло и быстро заговорил, словно швыряя слова: – Это ты наговаривала на нее, что она изменяет мне с твоим мужем! Это ты! Из-за тебя я приговорил ее к смерти! Из-за тебя! Это ты! Ты! Ты!

Ирод ударил кулаком по столу с такой силой, что зазвенели браслеты, висевшие на его запястье. Его лицо изменилось: из грустного, почти трагичного оно стало диким, взбешенным. Гневно раздувались ноздри, на лбу выступила толстая вена. Несмотря на выкрашенные в черный цвет волосы и бороду, на лице царя заметны были следы старости и мучившей его болезни. Его щеки ввалились, изо рта исходил неприятный запах. Его шея напоминала ошипанную птичью шею; кадык бегал по ней вверх-вниз. Но ни возраст, ни болезнь не погасили той живости, которая была свойственна Ироду. Страстная привязанность к жизни боролась в нем со всякой немощью.

Женщина отпрянула назад, испуганная вспышкой гнева.

– Я всегда защищала только тебя и твои права, – сказала она, придавая голосу обиженное выражение. – Я хотела для тебя только добра, Ирод. Мы с тобой – любящая семья. А Ферор...

– Я не верю Ферору! – он прервал ее.

– Это твой брат, Ирод, ты всегда любил его.

– Зато он меня не любит.

– Это не он, это Роксана. Она его подстрекает.

– Она или не она – не верю я ему! Роксана... – Ирод заскрежетал зубами и вытянул перед собой руку с устремленным вперед указательным пальцем. – Тебе я тоже не верю! Чтобы заполучить нового любовника, ты готова меня отравить!

– У меня есть муж, которого ты сам для меня выбрал...

– У тебя есть и другие мужчины. Мне донесли, что ты развлекаешься с Антипатром!

– Это ложь, он мне приходится племянником!

– Ну так что ж! – ярость Ирода неожиданно вылилась в смех. Он хохотал, обнажая короткие почерневшие зубы. – Что из этого? Ты все так же молода. Наш род долго сохраняет молодость. Ферор взял себе Роксану...

– Он нехорошо поступил, – Саломея быстро поддержала тему. Она обрадовалась, что Ирод перестал говорить о ней и занялся делами младшего брата. – Он совсем помешался на ней. Невольницу возвел в достоинство царской жены! Он отверг твою дочь. Роксана настраивает его против тебя. Вместе со своей матерью и сестрой она обижает моих дочерей, наговаривает на меня. Но Ферор невиновен. Это они опутали его. Мать Роксаны – колдунья. Она знает тайные заклинания, знает магию, умеет готовить яд...

– Он не пожелал ее бросить, – лицо Ирода стало грустным. Он уперся взглядом в цветную поверхность инкрустированного столика. – Я требовал этого, я просил его, просил! Нет, он не любит меня.

Ирод вцепился пальцами в волосы и стал их дергать. Женщина наклонилась к нему.

– И все-таки он тебе предан. Это все они...

– Он не любит меня, – повторил Ирод. – Никто меня не любит... – он вернулся к этому утверждению, словно нищий к своему слезливому взыванию. – Я был вынужден приказать их убить. Я написал цезарю, что хоть я и лью слезы, но должен так поступить. Он, впрочем, меня понимает. Боаргасу я приказал пытать людей из их окружения. Все признались, что был

составлен заговор. Они хотели меня убить. Даже Тирон, служивший мне столько лет, тоже был в заговоре. Все участвовали в заговоре. Я отдал их толпе, и люди побили их камнями.

– Потому что народ тебя любит, – сказала Саломея.

Ирод поднял склоненную голову и устремил на Саломею дикий взгляд.

– О чем ты говоришь?! Это ложь! – выкрикнул он. – Они не любят меня. Никто меня не любит. А я ведь столько для них сделал...

– Они знают об этом.

– Знают? – Ирод заскрежетал зубами со злой иронией. – Разумеется, знают. Они же не слепые. Живут в таком большом царстве, какого не было даже во времена их легендарного Давида! Я заселил иудеями Трахонитиду⁹, я строю для них храм, приводящий в изумление греков и римлян. Кто еще для них столько сделал? Они знают об этом наверняка, но, несмотря на это, ненавидят меня.

– Только некоторые, – Саломея старалась его успокоить.

– Но слушают именно этих некоторых.

– Сегодня их слушают, а завтра покинут. Иудеи таковы: сегодня кого-нибудь почитают, а завтра разорвут его на клочки. Помнишь, как ты казнил фарисеев? Кто за них вступился?

Ирод заставил ее замолчать новым ударом по столу.

– Хватит! Кудахчешь и кудахчешь. Говорю же тебе: братья меня не любят, хоть я и сделал их царями. Иудеи меня не любят, хоть я и стал ради них иудеем. Я даже к свинине не притрагиваюсь! Приспосабливаюсь к их дурацким предписаниям! Монетчикам не разрешил чеканить изображение своей головы на деньгах! Строю для них храм! Их царица была моей женой! В действительности именно я – царь иудейский, настоящий царь, какого у них не было!

– Ты действительно царь. Сейчас ты женат на дочери первосвященника.

– Они его не уважают, потому что именно я сделал его первосвященником. О, хотел бы я заставить их меня полюбить! Они постоянно в чем-то меня обвиняют: то в смерти Мариамны, то в смерти ее сыновей... Обвиняют меня, хоть и не любили Хасмонеев, боролись против них, устраивали заговоры. Просили римлян прийти и защитить их от своих же собственных царей. Я их объединил и построил иудейское царство. Они всем обязаны мне! Почему они не хотят меня любить?

– Это низкий и неблагодарный народ.

– Да, иудеи низкие, однако я хочу, чтобы они меня любили. Я простил фарисеям их бывшие мятежи и оказал им милость. А они устраивают шум, подбивая людей не присягать на верность цезарю. Глупцы! Ведь они сами позвали римлян! Я должен был снова начать их распинать, но я велел им всего лишь заплатить контрибуцию...

– Лучше бы ты не был с ними таким мягким. У меня есть сведения, что они ведут переговоры с Роксаной...

Ирод ничего не ответил, только взял лежавший на столе нож и стал яростно ударять им по инкрустированной столешнице. Тяжелая складка пролегла между его бровей. Глядя в пространство, он напряженно о чем-то размышлял. Внезапно задал вопрос:

– Кому я оставляю трон, если их уже нет?

– У тебя есть другие сыновья: Антипатр, Архелай, Антипа, Филипп...

Ирод со злостью дернул плечом.

– Ты, разумеется, хочешь, чтобы я сделал царем Антипатра? – в его глазах сверкнуло подозрение.

Женщина ответила, стараясь сохранять достоинство:

– Я хочу того, кого ты сам захочешь, Ирод.

– Иудеи ни одного не признают.

⁹ Трахонитида – область на северо-востоке Палестины.

– Если ты им прикажешь, они будут вынуждены подчиниться, потому что ты царь.

– Увидишь, что будет. Они станут бунтовать и устраивать заговоры; пошлют своих людей в Рим и подкупят окружение цезаря... Они будут снова просить, чтобы римляне сами приняли власть в царстве. Я их знаю!

– Вот и не оказывай им так много милостей! – Саломея понизила голос. – Ты знаешь, что Роксана дала деньги фарисеям, чтобы они могли заплатить контрибуцию, которую ты на них наложил?

– Ты знаешь это наверняка?

– Мои шпионы приносят только достоверные сведения. Она дала им деньги, а они ей пообещали, что будут молиться, чтобы Ферор стал царем после твоей смерти...

Ирод промолчал, но зубы его заскрежетали так, словно пила задела торчащий в бревне гвоздь. Темное лицо царя приняло пепельный оттенок. Какое-то время он сидел молча, но в конце концов резко сказал:

– Я еще не умер. Ферор получил Перею¹⁰, и с него довольно. Я сам убедил римлян, что он должен ее получить. У него нет сына, следовательно, после его смерти край должен вернуться ко мне. Но раз Роксана строит заговор, я прикажу Ферору покинуть Иудею. Пусть возвращается к себе. Ты права, это она настраивает его против меня...

Вдруг с характерной для себя способностью переходить от одного дела к другому он спросил:

– Где сейчас дети Александра и Аристовула?

– Здесь, во дворце. Я полагала, что ты в любой момент пожелаешь решить их судьбу.

Ирод сразу сменил гнев на милость:

– Ты мудрая, Саломея, и ты верна мне – одна ты. Послушай, – он поднял палец и, глядя на нее, сказал со злобной ухмылкой, – я отдам детей под опеку Ферора, ему придется заботиться об их жизни...

Он многозначительно подмигнул, и оба залились смехом.

– Это великолепный замысел, – согласилась Саломея. – Я поражаюсь тебе!

Они вновь засмеялись, но смех тут же утих. Наступила тишина. Ирод стал снова бить по столешнице ножом, который был у него в руке.

– Хочу, чтобы иудеи меня любили... – Ирод вернулся к своим сетованиям. – Они должны меня любить. Никто для них столько не сделал, сколько я. Если бы не я, римляне прибрали бы царство к рукам.

– Ты думаешь, римлянам нужно иудейское царство? – спросила Саломея.

– Римляне алчут власти! – он сухо засмеялся. – Кроме того, неизвестно, когда вновь может начаться война с Парфией¹¹. Но они мудры. Они доверяют мне. А я друг цезаря. Я посоветовал всем присягнуть цезарю.

– Против этого, собственно, и выступают фарисеи.

– Глупцы, глупцы! Сначала умоляли римлян прийти их спасти, а теперь строят заговоры против тех же римлян. Что за глупцы эти фарисеи! Не видят, что римляне замыслили нечто, что их еще больше разгневет...

– О чем ты говоришь?

– Мне Сатурнин сказал о желании цезаря провести в царстве перепись, которая совершается по всей империи. Рим желает знать, сколько у него людей и сколько людей у его союзников. Но я-то знаю иудеев. Они не любят, когда их считают. Они думают, что их Яхве не одобряет подсчет и это навлечет на них Божью кару. Я растолковал Сатурнину, что не буду делать перепись. Все должны будут присягнуть на верность цезарю в своих родных городах. А

¹⁰ Перея (или Трансиордания) – область к востоку от Иордана и Мертвого моря, между рекой Арнон и городом Пелла.

¹¹ Парфия, Парфянское царство – государство к юго-востоку от Каспийского моря, существовавшее в 250 до н. э. – 224 н. э.

прежде чем присягнуть, они запишутся в родовых книгах. Потом я прикажу собрать книги, и у римлян будет то, чего они хотят.

– Умно ты это придумал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.